

Бауржан
Молдашбаев

КАК ВСХОДИЛО СОЛНЦЕ

К 150-летию Константина Бальмонта

Константин Бальмонт является поэтом, чье имя, преданное в советское время анафеме, лишившей целые поколения какой-либо осведомленности о его творчестве, даже и ныне в литературных кругах остается в тени фамилий Блока и Белого, несмотря на то что десятилетие царствования Бальмонта в русской поэзии имело решающее значение для символизма в частности и для стихосложения в целом. «С него хочется начать очерк новой русской поэзии», – писал Николай Гумилёв в статье «Вожди новой школы» в конце 1910-х годов, справедливо отдавая дань новаторству первого эстрадного литератора и создателя культа поэта. В наши дни, конечно, сложно представить с оглядкой в сто пятьдесят лет, что до Бальмонта никто не писал таких стихов как «Я мечтою ловил...» или «Челн томленья», своей структурой задающих мелодию для прочтения или декларирования:

Я мечтою ловил уходящие тени,
Уходящие тени погасавшего дня,
Я на башню всходил, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.

И чем выше я шел, тем ясней рисовались,
Тем ясней рисовались очертанья вдали,
И какие-то звуки вдали раздавались,
Вкруг меня раздавались от Небес и Земли.

Чем я выше всходил, тем светлее сверкали,
Тем светлее сверкали выси дремлющих гор
И сияньем прощальным как будто ласкали,
Словно нежно ласкали отуманенный взор.

И внизу подо мною уж ночь наступила,
Уже ночь наступила для уснувшей земли,
Для меня же блистало дневное светило,
Огневое светило догорало вдали.

Я узнал, как ловить уходящие тени,
 Уходящие тени потускневшего дня,
 И все выше я шел, и дрожали ступени,
 И дрожали ступени под ногой у меня.

Поэзия была для Бальмонта воздухом, она составляла всю его жизнь. Думается, поэтому и стихи получались у него как череда дней – то гениальные и неповторимо упоительные в своей мелодичности, а иногда совсем не идущие к определению «великий поэт», ибо писал он, «стихийный гений», почти все, что ворожилось у ум, а выпускал все, что писал.

В рамках отведенного для статьи пространства говорить обо всем творчестве Бальмонта невозможно – это неизбежно сделало бы ее слишком беглой, ведь его до сих пор обвиняют в чрезмерной плодовитости: непосредственно из-под пера Бальмонта вышло 35 книг стихов, 20 книг прозы. А переводческая деятельность поэта в объеме в несколько раз превышает его собственное творчество. По этой причине предлагаю пристальнее проследить творческий путь этого неистового рыцаря символизма в «досолнечный» период – в силу того, что Бальмонт и был лицом раннего символизма, романтического, возвышенного и сугубо индивидуалистического.

Приведенное стихотворение, которое я нарочно поместил полностью как показательное произведение Бальмонта, относится ко второй опубликованной книге поэта «В безбрежности», где он утвердил свои находки в области звука и музыки в стихе. Первый же сборник «Под северным небом», открывший молодому поэту дорогу в большую литературу, своими мотивами почти целиком восходит к Лермонтову: к его земному томлению («Моя душа стремится в мир иной...»), разочарованности («Мой день давно погас. Со мною тьма ночная...»), презрению к людской суете («Противно мне толпы движение...»), прямому обращению к Богу с вопросами («Зачем?», «Молитва») и даже теме губительной и очерствляющей любви:

Нет, мне никто не сделал столько зла,
 Как женщина, которая твердила
 Мне каждый миг: «Люблю тебя, люблю!»

Бальмонт публикует первый сборник как раз в том возрасте, в котором Лермонтов так дождался исполнения своей молитвы – смерти, и смертью открывается сборник Бальмонта: «И смерть встречай, как лучшей жизни весть», и смертью же венчается: «Жизнь утомила меня. / Смерть, убаюкай меня!» Однако в отличие от Лермонтова, чей лирический герой почти неизменен в своем настроении, у Бальмонта он непостоянен, зыбок, подвержен стихии мгновения и настроению окружающего его мира. Тут же и язык природы, которому, порой кажется, никто не умел внимать живее Бальмонта и верность которому он сохранил на всю жизнь.

В книге «Под северным небом» содержатся хрестоматийные примеры чисто бальмонтовского начала в стихе, нередко становившиеся образцом для слабого подражательства у современников, как, например, стихотворение «Челн томленья»:

Вечер. Взморье. Вздохи ветра.
 Величавый возглас волн.
 Близко буря. В берег бьется
 Чуждый чарам черный челн.

Или «Песня без слов»:

Ландыши, лютики. Ласки любовные.
 Ласточки лепет. Лобзание лучей.
 Лес зеленеющий. Луг расцветающий.
 Светлый свободный журчащий ручей.

Если отталкиваться от определения Бахтина: «...символисты стремятся к постижению сокровенной связи сущего <...> символ знаменует реальную сущность вещей», – символизм в первом сборнике Бальмонта еще не вполне является самоцелью, он больше носит метафорический и аллегорический характер: «болото» – как трясина быта, «чайка» – как символ бесприютности, «царство луны» – как состояние одинокой тоски, печали, бесшумных раздумий и т. д. Вообще говоря, луне в творчестве «солнцепоклонника» Бальмонта, вплоть до звездного сборника «Будем как солнце» – а это четыре сборника, – и по пространственно-количественной, и по смысловой мерке уделяется едва ли не в пять раз больше внимания.

Зато вышедшая годом позже книга «В безбрежности» наглядно демонстрирует «прирост» поэзии Бальмонта – здесь уже явлен окрепший и повзрослевший автор. Сборник состоит из трех циклов: «За пределы», «Любовь и тени любви» и «Между ночью и днем». Символы в основном – это явления природы, каждое из которых не только отражает присущую ему знаковую черту, но уже имеет на себе отпечаток личностного восприятия лирического героя. В этом плане любопытно проследить развитие мотивов в данном сборнике и связь его с предыдущей книгой – ведь, по собственному утверждению Бальмонта, у него от книги к книге проброшены звенья.

В начале сборника преобладают мотивы грусти, тоски, продолжающие на строение предыдущей книги, – лирическому герою так же неуютно в земном мире, он всей душой стремится «за пределы»:

Все мне грезится Море да Небо глубокое,
 Бесконечная грусть, безграничная даль...

В томлении своем лирический герой обращается к Пустыне, «царице земной красоты»; к горам, «от стремлений свободным»; вопрошает Океан о его назначении, но остается без ответа; бродит в темной пещере, где «все слито в одно роковое звено», и приходит к тяжелому заключению:

Есть одно блаженство:
 Мертвенный покой.

.....

Усыпи волненья,
 Ничего не жди.

Так проходят девятнадцать начальных стихотворений цикла, но вдруг на глазах у читателя резко меняется весь тон сообщений, опрокидывается хандра, – следующее же стихотворение опровергает последнее утверждение:

Нет, не могу я заснуть, и не ждать, и смириться,
В сердце волнение растет и растет!
Может ли ветер свободный кому покориться?
Может ли звезд не блистать хоровод?

Дальше – вплоть до следующего цикла – вольный ветер подхватывает и уносит героя прочь от грусти, полным ходом идет возрождение, стихийный бунт, все больше вопросов, восклицаний («В час рассвета», «Ветер», «Зарождение ручья», «Дух ветров»), уже

В сонном болоте знакомые травы
Больше не дышат дыханьем отравы.

Тот же спасительный ветер шепчет, что «день сильнее ночи», и сквозь туманы пробивается «непобедимый луч» и даже

Чахлые сосны без влаги растут и растут.
Чахлые сосны к Лазури дорогу найдут!

На этой ноте завершается цикл «За пределы».

Следующий цикл – воспоминания о любви и раскаянье в ней – «Любовь и тени любви». Здесь нам невольно придется пуститься в подробности личной жизни поэта ради полноты восприятия цикла, потому что стихи очень личные, но облегчает нам задачу и сам Бальмонт, никогда не умевший утаивать и скрывать свою жизнь.

Вступительное стихотворение – это вход в чертоги воспоминаний, следующее называется «Первая любовь», при этом и дальше поэт сохраняет хронологический порядок сердечных событий. Переживший только что расставание и вынужденный теперь хлопотать о разводе, Бальмонт вспоминает отношения с Ларисой Гарелиной, своей первой женой: бурное начало чувств и затем вопиющее несоответствие его представлений о высокой любви действительности, – и сравнивает ее образ с обманчивым оазисом в пустыне:

Ты казалась мне высшим пределом,
За который нельзя перейти.

И потом... О, какое мученье!

.....
Где любовь, где восторг упоенья?

Все прошло, ускользнуло, как сон.

В своем разочаровании поэт однако же почти ни в чем не смеет упрекнуть первую жену – он с сожаленьем и некой торжественностью констатирует завершение любви, попутно отдавая должное своей юности в великолепно исполненных триолетах, оказывающих гипнотизирующий эффект на читателя.

С середины цикла мы становимся свидетелями возрождения чувств поэта для новой любви – к Екатерине Андреевой, которая станет опорой для Бальмонта до конца жизни – пусть и на большом и непреодолимом расстоянии («Беатриче», «Черноглазая лань», «Слова смолкали на устах...», «Пред рассветом дремлют воды...» и др.):

«Возрожденье! Возрожденье!» –
Струны сердца зазвенят.

Но любовь эта уже умудренная, осторожная и светлая в своем таинстве:

Помолись со мной, родная,
Чтобы жизнь светлей прошла,
Чтобы нас стезя земная
Вместе к гробу привела.

И завершающее цикл стихотворение «Я жду» вселяет надежду, и велики ожидания Бальмонта от новой любви.

В эпиграф последнего в сборнике цикла «Между ночью и днем» Бальмонт выводит свой «дорожный посох» – фаустовское выражение «Immer weiter» – «Всё дальше» («Всё выше я должен всходить, / Всё дальше я должен смотреть»), ставшее девизом молодого поэта, который «казенное образование» заменил «самопомощью» (selfhelp) – неустанным самообразованием и невероятным трудолюбием. За общим настроением этого цикла мы угадываем, что поэт как бы подводит промежуточные итоги «между ночью и днем» – будто обещает сосредоточить свои силы для чего-то большего в будущем, а пока только осмысливает произошедшее с ним, расщепляет его, делает выводы. Здесь же и выход традиционного «пророка» русского поэта, только не на себя мерит поэт этот образ, а выводит его через стихотворение «Данте», чей шестикрылый серафим – это святая Тень, являющаяся лишь избранникам, которая отметкой перста дарит «блаженство за других душой страдать».

Лирический герой цикла «Между ночью и днем» провозглашает готовность с честью встретить свою судьбу:

И что мне лишенья, и что мне страданья,
.....
Но только бы верить всегда,
.....
Что там, надо мной, в высоте недоступной,
Горит – и не меркнет Звезда!

Идет снятие прежней бездейственной печали, которая все же не перестает настигать:

Гори же, разгорайся, пока еще ты юн,
Сильней, полней касайся сердечных звонких струн,
Чтоб было что припомнить на склоне трудных лет,
Чтоб старости холодной светил нетленный свет.

В итоге: «...тени прошлого мне более не милы».

В «Морозных узорах», десятом стихотворении из двадцати пяти, Бальмонт великолепно передает состояние задумавшегося у окна человека, отрешенного, озабоченного высоким – это и есть настроение всего цикла.

В автобиографическом стихотворении «Воскресший» отражен исход того, что исследователи называют первой попыткой самоубийства, предпринятой Бальмонтом за пять лет до выхода сборника. Я, однако же, посмею возразить против данного определения, – мне верится больше в то, что это было больше жестом отчаяния, а не осознанным решением покончить с собственной жизнью, даже в какой-то мере протестом слишком ранимого сердца против слов первой жены «Здесь убиться нельзя, только изуродуешься».

Зачем я бросился в окно?
Ценою страшного паденья
Хотел купить освобожденье
От уз, наскучивших давно.

Страшно сказать, но Бальмонту удалось «убить змею печали», ведь затем

И новый, лучший день, алая,
Зажегся для меня во мгле.
И, прикоснувшись к земле,
Я встал с могуществом Антея.

Цикл завершается уже жизнеутверждающими стихами, в которых, правда, еще не остывают отголоски тяжелого прошлого и зов тяжелого будущего, но

Дерзкими усилиями
Устремляясь к высоте,
Дальше, прочь от грани тесной,
Мы домчимся в мир чудесный
К неизвестной
Красоте!

С середины 1890-х годов неизменно растет слава Бальмонта. Хотя и упрекают его в расплывчатости произведений, критика однако же признает его талант, ставит в ряд самых одаренных поэтов, а в личной жизни после «туч и бурь» наконец удается найти успокоение благодаря второй жене поэта Екатерине Алексеевне. Бальмонт входит в свою колею, он много переводит, путешествует, часто выступает с литературными докладами.

Духовные искания символизма приводят Бальмонта к древней философии Упанишад в теософском истолковании Е. Блаватской – постижение Верховного Духа через прислушивание к Голосу Молчания. Отражением этого жизненного этапа становится третья его книга – «Тишина», вышедшая в год тридцатилетия поэта и венчающая период его творческого самоопределения.

Место «Тишины» в творчестве Бальмонта очень точно определил Эллис: «Эта книга соединяет в себе тишину успокоения после слишком дерзких исканий с тишиной перед новой бурей, затишье перед грозой». Композиционная структура сборника одновременно сложна и предельно целостна. Лейтмотив тишины в сборнике, переливаясь разными гранями, проходит сквозь двенадцать «лириче-

ских поэм». Главный эпиграф, взятый из Тютчева: «Есть некий час всемирного молчания», – таким образом становится как бы «надэпиграфом», через который осмысляются остальные двенадцать.

В цикле «Мертвые корабли», первом в этой книге, всемирная Тишина, «враг беспокойного мира», непреклонно отстаивает свое право, потопив посягнувших на ее владения шумных моряков, при этом служит ей вся возмущившаяся природа – океан гудит, туманы клубятся, валы мятятся, а «бездомный» ветер и становится тем, кто подговорил и завлек очередную жертву.

Исследователи отмечают полярную связь этой поэмы с девятой – «В царстве льдов», где лирический герой словно сам оказывается в числе жертв. Если в «Мертвых кораблях» «что-то мешает / Сердцу вздохнуть», то в «Царстве льдов»

Далекое небо вздымалось,
Ревнивую тайну храня.
И что-то в душе оборвалось,
И льды усыпили меня.

На этой основе я попытался проверить контрасты между другими поэмами. Сборник в принципе богат на сквозные мотивы. Так, во второй поэме – «Искры» земная жизнь лирического героя, согласно эпиграфу, есть выпавшая из Великого Первоисточника искра, которая проходит в жажде возвращения в мир мечты и снов блаженных – в царство Безветрия, а следовательно, и Тишины:

Я – искра, отступившая
От Солнца своего
И Бога позабывшая,
Не знаю для чего!

Данная поэма напрямую перекликается с последней, двенадцатой – «Звезда пустыни», где лирический герой жаждет встречи с Господом, вызывает Его, на что получает ответ:

«Я в тебе, ты во Мне, безраздельно.
Но пока сохрани только этот намек:
Все – в одном. Все глубоко и цельно.
Я незримым лучом надо тобою горю,
Я желанием правды в тебе говорю».

Усиливает эту связь и эпиграф последней поэмы: «Иногда в пустыне возникают голоса, но никто не знает, откуда они».

Третий цикл «Воздушно-белые» почти полностью Бальмонт посвятил себе, вернее, своему лирическому герою, который отразил самую суть поэзии Бальмонта:

Я тревожный призрак, я стихийный гений,
В мире сновидений жить мне суждено.

Тут же и хрестоматийные: «Я вольный ветер / я вечно вею», «Я как ландыш, бледнее, цвету» («Как цветок») и т. д. А строки «Мне странно видеть лицо людское» или

Вдали от Земли, беспокойной и мглистой,

 Я выстроил замок воздушно-лучистый

 Но что мне до вечной людской суеты,
 Мне ласково светят иные святыни,
 Иные святыни в Дворце Красоты, –

тотчас вспоминаются при чтении эпиграфа шестого цикла – «Мгновения правды»: «Кто часто бывает среди людей, того не могут посещать ангелы», ведь

Кто услышал тайный ропот Вечности,
 Для того беззвучен мир земной, –
 Чья душа коснулась бесконечности,
 Тот навек проникся тишиной.

«Всемирная Тишина» здесь перевоплощается в «ропот Вечности», а Бальмонт, возвышенно изложив сущность своей поэзии в третьем цикле, в «Мгновениях правды» словно снисходит почти до ученического тона в толковании своего мировоззрения.

К эпиграфу четвертого цикла «Ветер с моря» органично присоединяется эпиграф восьмого – «Кошмаров»: «Я моряк любви и в ее глубоком океане плыву без надежды достичь до какой-нибудь гавани.» – «Потому что печаль, как безглазый кошмар, нависла над его существом...» Если в первом «я слезами и холодом горьким дышу» и, как русалка, кто-то смотрит «равнодушно, как тонут вдали корабли», то в «Кошмарах» – «Бог не помнит», что «в черной подземной пустыне / мертвые спят караваны», а над мечтой лирического героя «отравой дышит пустота».

Пятый цикл проходит «в дымке нежно-золотой», воспевающей местами страстную, местами грустную, но неизменно нежную любовь к женщине. Лирический герой, как и сам поэт в жизни, «любит любовь», его сердце импульсивно бросается в блаженство чувств, чтобы «сгореть в любви». Контрастом выступает цикл «Дон Жуан», десятый по счету в сборнике. Здесь, напротив, «смешна любовь людей»:

Земная жизнь – постылый ряд забот,
 Любовь – цветок, лишенный аромата.

Самозабвенно мстящий миру за потерю душевного жара развращением, Дон Жуан изредка все же чувствует Великий Источник:

И вдруг опять в моей душе проглянет
 Какой-то сон, какой-то свет иной.

Однако, как «неверная искра», герой расходует эти силы на очередное пленение женщины, которая отдается ему «восторженной и гаснущей тенью».

Наконец, седьмому циклу «Аккорды» противопоставлен одиннадцатый – «Забытая колокольня». Если в «Аккордах» Бальмонт восторгается сверхчеловеком (по Ницше), «волхвами откровений» (по Бергсону) – великими мужами Искусства и их творениями, то «Забытая колокольня» призвана отомстить «за греховные

мечты Искаженной Красоты», потому что – по эпиграфу – величайший грех, исполнивший меру беззакония человечества, – это упоенье Искусством. Мрачный и долгий гул колокольной, пробуждающий совесть земли, противопоставлен тишине, под чарами которой грешный мир уснул «в безмолвии чудес». Есть основания говорить, что в «Забытой колокольне» Тишина приобретает враждебный или, вернее, пагубный характер, хотя, вероятно, Тишина, символизируя Высший Мир, в данном цикле начинает трубить «кличем» в противостоянии другой тишине – тишине как душевной глухоте:

И безумцы не в силах постичь
Бесконечную прелесть познания,
И не слышать немолкнувший клич,
Отдаленный восторг Мирозданья.

В «Аккордах» среди «безумцев» невольно оказывается и сам лирический герой:

И чувствуем смутно, что, если б душой мы могли
Достичь до вершины, далекой и снежной,
Тогда бы – загадки печальной Земли
Мы поняли лучше, упившись мечтою безбрежной.

Впрочем, не исключаю, что все рассмотренные мной полярные связи могут показаться несколько искусственными, благо «Тишина», и без того являясь произведением символизма, содержит настолько разнообразный и в то же время ассоциативный материал, что допустимы и иные прочтения. Книгу «Тишина» принято считать своеобразным завершением начального периода становления поэта Бальмонта, – к этому можно добавить и то, что «Тишина» является средоточием и будущих его тем, мотивов и находок.

«Оно началось, это длящееся, только еще обозначившееся творчество – с печали, с угнетенности и сумерек. Оно началось под Северным небом, но силою внутренней неизбежности, через жажду безграничного, Безбрежного, через долгие скитания по пустынным равнинам и провалам Тишины, подошло к радостному Свету, к Огню, к победительному Солнцу», – запишет тридцатисемилетний Бальмонт в зимний московский вечер в своем дневнике, подводя промежуточный итог своему творчеству, которое к тому моменту уже одолело самую высокую вершину. Поэзия Бальмонта еще не окостенела монументальностью, все еще подлежит осмыслению, таит в себе много неразгаданного, – пусть и пережила свой пик в начале прошлого столетия – но еще не обозначила в полной мере своего законного места в наследии русской и мировой литературы. Тем она ценнее и для нас.

Молдашбаев Бауржан родился в 1992 году в Алматы. Учился в Праге в Карловском университете, в КБТУ, в КИМЭП. Работает в сфере рекламы и креативных решений.

